

ПЕГГИ ОРЕНСТЕЙН

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ
О ЛЮБВИ,
БЕСПОРЯДОЧНЫХ
СВЯЗЯХ И СОВРЕМЕННОЙ
МУЖЕСТВЕННОСТИ

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ПАРНИ
&
СЕКС

18+

ВЫБОР AMAZON В КАТЕГОРИИ NON-FICTION

МИОО

МИФ Психология

Пегги Оренстейн

**Парни & секс. Молодые люди о
любви, беспорядочных связях
и современной мужественности**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 159.922.8:176
ББК 88.42:88.576.8

Оренстейн П.

Парни & секс. Молодые люди о любви, беспорядочных связях и современной мужественности / П. Оренстейн — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Психология)

ISBN 978-5-0016-9885-2

Современное общество навязывает множество стереотипов о том, каким должен быть настоящий мужчина. Но эти стереотипы лишь приводят к проблемам во взаимоотношениях, росту сексуального насилия и психологическим расстройствам. Журналист Пегги Оренстейн провела опрос более ста молодых людей о том, что они сами думают об образе идеального мужчины. В результате получился очень важный и откровенный разговор о гендерных особенностях и интимной жизни молодых парней, о мужской сексуальности в новом тысячелетии. Книга будет полезна молодым людям, которые хотят больше знать о взрослении, о сексе, о любви и близких отношениях. А также родителям мальчиков, которым эта книга поможет подготовиться к разговору со своими сыновьями на эти непростые темы. На русском языке публикуется впервые.

УДК 159.922.8:176

ББК 88.42:88.576.8

ISBN 978-5-0016-9885-2

© Оренстейн П., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Введение. А как же мальчики?	6
Глава 1. Добро пожаловать в ЧЛЕНскую школу	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пегги Оренстейн

Парни & секс. Молодые люди о любви, беспорядочных связях и современной мужественности

Оригинальное название: Boys & Sex: Young Men on Hookups, Love, Porn, Consent, and Navigating the New Masculinity

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2020 by Peggy Orenstein. All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Лучшим мужчинам в моей жизни:
моему супругу – Стивену Оказаки;
моим племянникам – Мэтью Оренстейну, Гарри Оренстейну и
Майку Ямаде;
моему деверю – Джеффу Кавафучи;
моим старшим братьям – Дэвиду и Джону Оренстейнам;
и моему папе – Мелу Оренстейну*

Введение. А как же мальчики?

Никогда не думала, что напишу о парнях. Как журналист, я четверть века изучаю жизнь *девочек*. Это мое увлечение, мое призвание. После публикации книги *Girls & Sex* (посвященной противоречиям, которые девушки испытывают в интимной жизни) я путешествовала по стране, и на каждом шагу родители, девушки и сами парни призывали меня обратить внимание на молодых мужчин. И все же я не спешила. Ведь именно жизнь девушек преобразилась благодаря феминизму, именно их родители выступали за дальнейшие перемены. Ожидания по отношению к парням тоже изменились, но не в такой степени.

А потом началось движение #MeToo. И пошло-поехало: Харви Вайнштейн, и Билл Косби, и Луи Си Кей, и Кевин Спейси, и Мэтт Лауэр, и целый список работников медиainдустрии, которых обвинили в сексуальных преступлениях (*Shitty Media Men*), и Трэвис Каланик, и Рой Мур; и президент, имеющий неприятную привычку хватать женщин за интимные места; и «голый» скандал в Корпусе морской пехоты США, когда кто-то опубликовал обнаженные фотографии женщин-пехотинцев; и Брок Тернер, и Оуэн Лабри, и, если уж на то пошло, Азиз Ансари; и вирусный рассказ «Кошатник», опубликованный в еженедельнике *New Yorker*. Повсеместность и масштабы противоправных сексуальных действий со стороны мужчин, молодых и старых, стали очевидны и вызвали слишком большую тревогу, чтобы о них молчать. Общество заявило, что маскулинность «испорчена» и «токсична». Родители мальчиков, с которыми я беседовала, – те, которые, услышав о моей работе с девочками, сочувственно качали головой и радовались, что у них сыновья, – внезапно осознали, что их задача на самом деле намного сложнее: им нужно воспитать достойных мужчин. Надеюсь, это станет переломным моментом и не только призовет к прекращению сексуального насилия, но и вдохновит молодых людей к честному, давно назревшему разговору о гендерных особенностях и интимной жизни.

Меня заинтересовала эта тема, и я провела небольшое исследование. Я уже знала, что американцы почти ничего не рассказывают своим дочерям о сексе, и вскоре выяснила, что сыновьям они рассказывают еще меньше. Не спорю, сейчас мальчиков чаще учат «уважать женщин», но что это значит? Каких женщин, в каких обстоятельствах и как именно уважать? И хотя многие теперь говорят о том, что только «да» значит «да», мальчиков (и девочек) бомбардируют – по телевизору, в кино, видеоиграх, социальных сетях, музыкальных клипах – бесконечными примерами женской объективации и сексуальной доступности. Добавим к этому беспрецедентную доступность порнографии. Что им делать с таким диссонансом? Я прочитала много жалоб *в адрес* парней, но *от них самих* не услышала почти ничего – их собственный голос отсутствовал в обсуждении их поведения, в отличие от голоса девушек, которые своей активностью добились социальных изменений. Я многое узнала, общаясь с молодыми женщинами, но этого было недостаточно. Чтобы действительно помочь молодым людям строить безопасные, приятные, равноправные и *человечные* сексуальные отношения, я должна была узнать мнение другой стороны.

БОЛЬШЕ ВСЕГО Я БОЯЛАСЬ, что ребята не захотят со мной говорить. В отличие от девочек, они не слишком разговорчивы. Да и по возрасту я гожусь им в матери. Но они оказались даже *более* открытыми и подробно, честно, откровенно и увлеченно рассказали как раз о том, что парни вроде бы должны презирать, – о своих чувствах. Они признались в своих сомнениях, внешнем давлении и переживаниях; в своей неуверенности в интимных отношениях; в стремлении к общению и в страхе, что ничего не получится. Они говорили о сексуальном удовольствии – не только своем, но и своей партнерши – и о том, в каких случаях последнее для них важно (или не важно). Им стоило больших усилий обсудить тему влияния порнографии; они рассказали о своем отношении к случайным связям и о том, как их нацио-

нальность, сексуальная ориентация и гендерная идентичность влияют на представление о маскулинности. Они посетовали, как им тяжело слушать издевки в адрес девушек, постоянно звучащие в мужских спортивных раздевалках. И пожаловались на предрассудок о том, что парням нужен только секс.

Многие парни, с которыми я беседовала, относились к нашим сессиям как к безопасной среде для размышления, для эмоциональной разгрузки – иногда даже спрашивали меня, насколько они «нормальные». Зачастую они замолкали на полуслове, тяжело вздыхали и говорили: «Я никому не рассказывал об этом, но...» или «Черт возьми, скажу как есть». А далее следовал рассказ, как имидж «хорошего парня» разлетелся вдребезги и это никак не вписывалось в их представление о себе и грозило разрушить самооценку. Порой они признавались в тревожном, рискованном поведении или в том, что подверглись сексуальному насилию. Меня удивило, какими откровенными бывали наши беседы, но парни так редко получают возможность открыто и честно обсудить свою внутреннюю жизнь...

Более двух лет я беседовала с молодыми людьми в возрасте от 16 до 22 лет, и это были глубокие, многочасовые разговоры о том, что значит быть мужчиной, а также об их мировоззрении, ожиданиях и первом сексуальном и интимном опыте. Я подбирала респондентов при помощи учителей старшей школы, психологов и педагогов колледжа, с которыми я познакомилась, работая над своей предыдущей книгой, в кампусах, куда меня приглашали выступать, и по рекомендации девушек, с которыми общалась много лет. После нашей встречи парни иногда сами представляли меня друзьям и соседям по общежитию, чтобы те поделились со мной своим мнением. Ради конфиденциальности я изменила имена и другие личные детали.

Я не утверждаю, что на этих страницах мне удастся отразить опыт всех молодых мужчин. Это нереалистичная задача. Героини книги *Girls & Sex* либо учились в колледже, либо собирались туда поступать, так что здесь представлены парни примерно того же возраста. Темнокожие молодые люди составляют отдельную группу: они учатся в школах, где подавляющее большинство ребят – белые, строят свою социальную жизнь именно в мире белых людей и сталкиваются со специфическими формами гендерного расизма. Кроме того, поскольку меня интересовали наиболее распространенные направления – мейнстрим, я не углублялась в дебри маносферы, однако мне кажется, что такие явления, как вынужденный целибат (речь о так называемых инцелах), MGTOW (Men Going Their Own Way)¹, круг поклонников Джордана Питерсона², стрельба в людных местах и другие проявления экстремизма, становятся чуть понятнее, если внимательно выслушать убеждения самых обычных мальчишек, узнать об их жизненных представлениях и трудностях. Во всем остальном я сделала широкий охват, опрашивая парней из всех регионов страны, из больших городов и поселков, из государственных и частных школ и колледжей. Среди них были представители разных национальностей, религий и социальных классов. А также геи, натуралы, бисексуалы и трансгендеры (эту гендерную идентичность я не затрагивала в книге *Girls & Sex*, но на этот раз уделила ей больше внимания). Хотя большинство склонялись к прогрессивным политическим взглядам, встречались и исключения. Многие занимались спортом. Одни состояли в студенческих братствах, другие покинули такие сообщества из-за недопустимого отношения к женщинам. Некоторые смотрели порнографическое видео каждый день, несколько человек полностью от него отказались. Многие признались, что некрасиво обходились с девушками. Иные даже подтвердили, что совершали сексуальное наси-

¹ MGTOW (англ. Men Going Their Own Way – «мужчины, идущие своим путем») – сообщество, действующее преимущественно в интернете и продвигающее отделение мужчин от женщин и от общества, которое считается испорченным феминизмом. *Прим. ред.*

² Джордан Питерсон (р. 1962) – профессор психологии в Университете Торонто, писатель, автор каналов YouTube. В 2016 г. подверг критике законопроект парламента Канады об обязательном использовании гендерно нейтральных местоимений по отношению к трансгендерным людям, назвав законодательное регулирование речи фашизмом, чем спровоцировал бурную общественную дискуссию. *Прим. ред.*

лие и другие правонарушения – а если не делали этого сами, то знали таких парней (обычно нескольких) в старшей школе или колледже и порой даже с ними дружили. Они обсуждали, как призвать этих ребят к ответственности и как самим отвечать за свои поступки.

В целом парней было гораздо больше, чем девушек, – намного больше сотни. Отчасти я набрала столько участников намеренно: хотела досконально изучить вопрос, поскольку раньше ничего не писала о молодых мужчинах. Кроме того, получить от родителей несовершеннолетних парней разрешение на разговор оказалось намного проще. Возможно, взрослые не считали, что их сыновья нуждаются в особой защите, но, подозреваю, некоторые попросту надеялись, что я не только задам парням вопросы об их сексуальном поведении, но и займусь просвещением, облегчив участь родителей, которым неловко обсуждать подобные темы.

Изменились бы ответы парней, если бы я сама была мужчиной? Не могу ответить на этот вопрос. Однако у меня сложилось впечатление, что быть женщиной очень даже выгодно в некоторых случаях. Сомневаюсь, что ребята были бы такими эмоционально открытыми с женщиной. Как минимум я бы сказала, что, если они что-то и скрывали, потому что я женщина, по той же самой причине они делились многим другим. Они часто отмечали, что обсуждают со мной сексуальный опыт совсем не так, как с другими парнями, перед которыми требовалось бравировать маскулинностью. Не чувствуя подобного давления, они смогли признать его негативное влияние на их психическое здоровье и при этом не считать себя слабаками и не бояться осуждения с моей стороны. Возможно, именно поэтому некоторые ребята *сами просили* о беседе со мной, присылали мне совершенно неожиданные электронные письма («Я слышал, как вы сказали по радио, что пишете книгу о парнях...»), поджидали меня после выступлений или настойчиво названивали, если я не отвечала сразу. Даже после беседы многие продолжали писать мне сообщения и электронные письма, просили совета в сложных ситуациях. С некоторыми я до сих пор тесно общаюсь, и, как ни странно, мы стали хорошими друзьями.

Если бы я встретила этих ребят в их повседневной жизни – например, приходилась бы им матерью, тетей, учительницей, – я бы никогда не узнала об их потаенных мыслях. Они доверились мне потому, что хотели все объяснить, а я хотела все понять. К счастью, многие из них искренне жаждали другой жизни: больше многоплановых примеров маскулинности, больше советов о взрослении, о сексе, о поисках любви в новом тысячелетии. Однако чтобы дать им рекомендации, нужно сначала выслушать, что они хотят сказать.

Глава 1. Добро пожаловать в ЧЛЕНскую школу

До встречи с Коулом я ничего о нем не знала – очередное имя в списке мальчиков, которые захотели со мной поговорить (или их заставили взрослые) благодаря содействию психолога-консультанта частной старшей школы в Бостоне. На наше первое интервью я опаздывала. Торопливо шагая по коридору, я заметила, как Коул (наверняка это был он) сидит у библиотеки и ждет, равнодушно глядя в никуда и положив руки на колени.

Я сразу подумала: «О нет».

Это, конечно, несправедливо. Это вопиющее нарушение журналистской объективности, явное свидетельство личных предрассудков. Позже восемнадцатилетний Коул назовет себя «типичным высоким, белым, спортивным парнем», и в тот момент я таким его и увидела: рост выше шести футов (182 см), широкие плечи и коротко стриженные светлые волосы. А шея такая мощная, что почти сливается с нижней челюстью. Его друзья, как он сказал мне, типичные качки. «Больше мне нечего про них сказать». К тому же он собирался поступать в военную академию. Если бы я закрыла глаза и представила парня, который *никогда* бы не стал откровенничать со мной, это был бы именно он.

Но Коул меня удивил. Он достал телефон и показал мне фотографию девушки, с которой встречался полтора года. Он с гордостью заявил, что она намного умнее него, феминистка и всегда его поддерживает. Он также признался, как сильно переживал четыре года назад, в первые недели учебы в девятом классе³, на полной стипендии, в новом сообществе; он даже не знал, как себя вести с другими парнями, и сомневался, что найдет друзей. «С *девчонками* я общался совершенно спокойно, – сказал он. – Это легко. Но общаться с ребятами было сложно. Потому что мне надо было быть *своим, братаном*, а я не знал, что для этого нужно делать».

Каждый раз, когда Коул произносил слово «братан», он откидывался на спинку стула, старался занять в пространстве как можно больше места и говорил низким гортанным голосом, будто накурился травки. Он усмехнулся, когда я отметила это. «Да, – сказал он, – это наша фишка: казаться непринужденным, спокойным, не наглым, а всю свою агрессию выплескивать на спортивном поле. Потому что *братан*, – он снова откинулся назад, – прежде всего спортсмен».

Коул вскоре нашел друзей в команде, хотя вписаться в коллектив оказалось не так-то просто. Он вспомнил, как два года назад один парень из выпускного класса хвастался в раздевалке, что убедил одноклассницу Коула – десятиклассницу, еще совсем *мелкую*, как подчеркнул Коул, – что они пара, а потом стал встречаться с другими девочками у нее за спиной. И не стеснялся рассказывать подробности. Коул и другой десятиклассник посоветовали ему прекратить. «Я стал объяснять, почему это непристойно, – сказал Коул, – но он только посмеялся».

На следующий день второй старшеклассник стал говорить о том, чтобы «отомстить сучке», которая его бросила. Друг Коула снова высказался против, но сам Коул промолчал. «И с каждым разом, – заметил он, – чем больше я отмалчивался и чем больше мой друг возражал, тем меньше он нравился ребятам из команды. В какой-то момент его просто перестали слушать. Он делал все, чтобы прекратить эти сексистские комментарии, и потерял свой социальный статус. А я просто сидел, – Коул ударил себя в грудь, – боялся слово сказать и лишиться уважения».

Я не знаю, что делать, – признался он честно. – Когда я поступлю в военную академию и стану частью этой культуры, я не хочу выбирать между собственной честью и отношениями

³ Американская система школьного образования делится на три уровня: начальная школа – с дошкольного образования до пятого класса, средняя школа – с шестого по восьмой классы и старшая школа – с девятого по двенадцатый. *Прим. пер.*

с сослуживцами. Но, – он посмотрел мне прямо в глаза, – что мне делать, чтобы не пришлось выбирать?»

Ты девчонка, если говоришь о чувствах

Блиц-опрос: опишите идеального парня.

«Сдержанный. Нельзя выставлять напоказ свои эмоции. Нужно быть сильным. Эмоционально и физически. Если возникнут проблемы, если что-то пойдет не так, это мое дело. И я должен разобраться с этим сам».

– Тристан, 18 лет, Лос-Анджелес

«Нужно быть мускулистым, высоким, светлокожим, общаться с большим числом девчонок. Это само собой разумеется. А я совершенно не вписываюсь в этот образ, потому что, во-первых, я латиноамериканец. И я низкого роста. И совсем не мускулистый».

– Маркос, 16 лет, Хобокен

«Надо учиться на факультете бизнеса. Быть членом братства. После колледжа устроиться на работу в Morgan Stanley. И зарабатывать минимум \$250 000 в год. Пахать по 80 часов в неделю. В общих чертах такая цель».

– Крис, 20 лет, Роли

«Нужно быть умным, но при этом “крутым” или как там это называется. При правильном сочетании этих качеств получится идеальный черный парень».

– Тай, 17 лет, Вашингтон (округ Колумбия)

«Самый важный фактор, от которого зависит все, – уверенность, настойчивость. Если я доминирую над людьми, значит, я настоящий мужчина».

– Райан, 18 лет, Сан-Франциско

«Нужно быть амбициозным. И всегда побеждать».

– Джейсон, 21 год, Сиэтл

«Главное – не париться. Смотреть на жизнь проще».

– Зак, 20 лет, Портленд

«Нужно уметь постоять за себя и не допускать ни капли неуважения».

– Джейлен, 18 лет, Балтимор

«Если хочешь, чтобы за тобой бегали девчонки, нужно быть настоящим мерзавцем. Прямо реальным подонком».

– Джеймс, 16 лет, Сан-Хосе

«Выносливость. Когда можешь сказать: “Чувак, да я трахал ее несколько часов”».

– Майкл, 18 лет, Сан-Франциско

«Спорт играет важную роль. Если ты хороший спортсмен, ты нормальный парень. И, конечно, девчонки. Чем больше, тем лучше. Никаких серьезных отношений, это признак слабости».

– Оскар, 17 лет, Бостон

«Нужно быть спортивным. Ходить на все вечеринки, но не слишком увлекаться. Переспать с большим количеством девчонок, но не с каждой встречной. Нужно точно знать, что ты делаешь. Нужно уметь общаться. Нужно быть мастером флирта».

– Коннор, 21 год, Филадельфия

«Спортивный».

«Спортивный».

«Спортивный. Точно спортивный».

Больше двух лет я беседовала с парнями – десятками ребят – из американских городов и поселков. Почти все они признавали равноправие девочек, по крайней мере в общественной сфере: считали, что их одноклассницы умные и способные, имеют полное право заниматься

спортом и быть лидерами школы, заслуживают обучения в колледже и широких профессиональных возможностей. У всех были платонические подруги. И это совершенно новое явление по сравнению с тем, что происходило пятьдесят, сорок, даже двадцать лет назад. Однако когда я просила описать идеального парня, те же самые ребята, которые стали совершеннолетними в 2000-х годах, повторяли те же слова, что были в ходу в 1955 году: определение маскулинности практически не изменилось. Эмоциональная отстраненность. Брутальная внешность (с акцентом на высоком росте). Сексуальное мастерство. Спортивность. Достаток (по крайней мере, в будущем). Доминирование. Агрессия. Как и девушкам, с которыми я беседовала несколько лет назад, парням постоянно приходилось идти на компромисс, поскольку они пытались следовать современным гендерным принципам и при этом не хотели или не могли отказаться от старых представлений. Кроме того, опять же как у девушек, самые пагубные аспекты «идеального мужчины» закреплялись и прославлялись на каждом шагу: в спортивной команде, в СМИ, даже дома. Как показал международный опрос 2017 года, почти 60 % американских парней признались: их родители (обычно отцы) – основной источник рестриктивных представлений о маскулинности⁴. Робу 18 лет, он из Нью-Джерси, учится на первом курсе колледжа Северной Каролины. Отец внушал ему: «Будь мужиком», когда у сына возникали трудности в школе или в бейсболе. «Поэтому я никогда ни с кем не обсуждаю свои проблемы, – признал Роб. – Я говорю себе: “Если ты не можешь справиться с этим сам, значит, ты не мужик, ты не стараешься, ты слюнтяй и баба”». Сосед Роба по общежитию, Эли, вырос в пригороде Вашингтона (округ Колумбия) и с детства усвоил схожие принципы поведения, хоть и не в такой явной форме. «Мой отец не был сексистом, – сказал он, – он не прививал мне токсичные или гомофобные взгляды. Зато эмоциональную ущербность я изучил от и до. Отец никогда не проявлял своих чувств: он был одним из тех, кто вздохнет и уйдет, но не станет делиться тем, что у него на сердце».

Как показал национальный опрос 2018 года, в котором приняли участие более тысячи подростков, девочки полагают, что «женственной можно быть по-разному» (несмотря на это, они все равно считают, что их оценивают исключительно по внешности), в то время как мальчики заявили, что есть только один путь к «настоящей мужественности»⁵. Проявление эмоций, а также любая слабость, слезы, чувствительность и капризы – это «бабское» поведение. Треть опрошенных мальчиков утверждали, что следует прятать или подавлять свои чувства, когда они грустят или напуганы. Другая треть, как Роб, были убеждены, что надо «быть мужиком» и «не ныть». Больше 40 % уверяли, что, когда они злятся, общество ждет от них агрессивного поведения; второй по популярности ответ – ничего не делать, молчать и опять-таки «не ныть». Лишь 2 % связывали маскулинность с такими качествами, как честность и нравственность, и только 8 % – с лидерством, то есть теми свойствами личности, которые, конечно же, прекрасны во всех людях, но традиционно приписываются именно настоящим мужчинам. Молодые американцы также говорят о более сильном социальном давлении, чем представители других стран, в отношении немедленной готовности к сексу и максимального количества партнеров; они также чувствуют более сильное осуждение гомосексуализма и чаще слышат о том, что дома следует придерживаться четкого разделения гендерных ролей и добиваться послушания своей жены/девушки, даже прибегая к насилию⁶.

Безусловно, феминизм освободил девушек от некоторых ограничений, наложенных общепринятыми представлениями о женственности. Он предложил альтернативные роли и возможность сформулировать массу проблем, которые раньше не имели названия. Однако для

⁴ Heilman, Barker, and Harrison, “The Man Box.”

⁵ Udem and Wang, “The State of Gender Equality for U.S. Adolescents.”

⁶ Heilman, Barker, and Harrison, “The Man Box.” См. также Gallagher and Parrot, “What Accounts for Men’s Hostile Attitudes Toward Women?”

парней мало что изменилось. Можно называть это как угодно – «маской маскулинности», «токсичной маскулинностью»⁷ или «мачизмом»⁸, – но традиционные представления о том, что значит быть настоящим мужчиной, все еще преобладают, определяя мысли, чувства и поступки мальчиков. Молодые люди, впитавшие эти нормы (а кому бы удалось не усвоить их хотя бы в некоторой степени?), в шесть раз чаще признаются в том, что сексуально домогались девочек и унижали других мальчиков⁹. Они также чаще *сами* становились жертвами вербальной и физической агрессии (включая убийство). Они больше склонны к запоям и рискованному сексуальному поведению и чаще попадают в автомобильные аварии. Они также чудовищно одиноки: чувствуют себя менее счастливыми, чем другие ребята, у них меньше близких друзей; они более склонны к депрессии и самоубийству. Какое бы удовольствие, статус и привилегии ни давала личина «настоящего мужика», она обходится слишком дорого, влияя на физическое и психическое здоровье мальчиков, а также молодых женщин из их окружения.

По сути, так называемый «кодекс мальчишек», как говорит психолог Уильям Поллак¹⁰, учит парней считать маскулинность противоположным и даже враждебным женственности явлением: это некое шаткое положение, которое нужно постоянно оберегать и укреплять¹¹. Все, что отдает «бабством» – в себе, в других парнях и, конечно, в самих девочках, – следует скрывать, высмеивать или отвергать. Любовь, взаимопонимание и уязвимость – признаки слабости, агрессия прославляется и эротизируется. Главное – завоевать и победить. Как признался Коул (тот самый мальчик, с которым я встретила возле школьной библиотеки), страх попасть в зависимое положение по отношению к другим парням стал одной из причин, по которым он предпочитал выполнять школьные проекты с девочками. «Когда работаешь с другим парнем, это намного рискованнее, – объяснил он. – С парнем надо вести себя максимально неприступно. Если я буду слишком общительным, то превращусь в *шестерку*. Когда я работаю с девочкой, я спокойно разговариваю и задаю вопросы, мы вместе что-то делаем, и я не боюсь признаться, что ошибся и мне нужна помощь».

Для Коула, как и для многих других мальчиков, правила и ограничения маскулинности выступают мериллом, по которому принимаются все решения. Однажды, в одиннадцатом классе, он предложил своей команде есть на вегетарианскую диету хотя бы ненадолго – просто чтобы доказать, что спортсмены на это способны. «И все заорали: “Коул, это самая тупая идея на свете. Мы же бегать не сможем”. В каком-то смысле они правы: нам нужен протеин. Нам нужны жиры, соль, углеводы, которые дает мясо. Но есть и другая причина, по которой они сочли эту идею тупой: быть веганом – значит быть *слонтяем*».

Коул рос с мамой, бабушкой и двумя младшими сестренками – родители развелись, когда ему было десять. Отец служил в армии, затем в Национальной гвардии и редко бывал дома. О своей маме Коул отзывался с искренней любовью и уважением. С отцом все было сложнее. С одной стороны, тот был заботливым и старался как можно больше времени проводить с сыном даже после развода. Но мне до сих пор вспоминается сдержанное выражение лица Коула, кото-

⁷ Pollack, *Real Boys*; Kimmel, *Guyland*.

⁸ Porter, “A Call to Men”; Heilman, Barker, and Harrison, “The Man Box.” См. также American Psychological Association, Boys and Men Guidelines Group, “Guidelines for Psychological Practice with Boys and Men.”

⁹ Heilman, Barker, and Harrison, “The Man Box”; June Gruber and Jessica Borelli, “The Importance of Fostering Emotional Diversity in Boys,” *Scientific American*, December 12, 2017, <https://tinyurl.com/y92mk2xg>; Baugher and Gazmararian, “Masculine Gender Role Stress and Violence”; Wong, Ringo Ho, Wang, et al., “Meta-Analyses of the Relationship Between Conformity to Masculine Norms and Mental Health-Related Outcomes”; Alia E. Dastagir, “Gender Stereotypes are Destroying Girls, and They’re Killing Boys,” *USA Today*, September 21, 2017, <https://tinyurl.com/yae8qajq>; American Psychological Association, “Sexism May Be Harmful to Men’s Mental Health”; Lutz-Zois, Moler, and Brown, “Mechanisms for the Association between Traditional Masculine Ideologies and Rape Myth Acceptance Among College Men”; Gallagher and Parrot, “What Accounts for Men’s Hostile Attitudes Toward Women?”

¹⁰ Pollack, *Real Boys*; Kimmel calls it the “Guy Code” in *Guyland*.

¹¹ Pollack, *Real Boys*; Kimmel calls it the “Guy Code” in *Guyland*.

рое насторожило меня в начале нашего знакомства. Это у него от отца. «Мне сложно выражать эмоции, – сказал Коул. – Особенно в присутствии отца. Он хороший человек. Но я не могу быть собой, когда он рядом. Мне кажется, что я должен спрятать все, что находится здесь, – Коул снова ударил себя в грудь, – за стеной, чтобы он не увидел. Это табу, не такое страшное, как инцест, к примеру, но я точно знаю, что показывать чувства нельзя».

Возможно, это звучит дико – приравнять эмоции к инцесту, но я понимаю, что имеет в виду Коул. Он не первый парень, который упоминает о «стене», за которой надо «спрятать чувства». Ноа, второкурсник колледжа в Лос-Анджелесе, сказал, что тоже «выстроил стену», чтобы скрывать любые проявления эмоциональной уязвимости: «Думаю, это началось в старшей школе, – вспоминал он. – И мой отец вовсе не алкоголик, не эмоционально холодный придурок. Нет, он совершенно нормальный, любящий, харизматичный человек, совсем не страшный. А что касается моих друзей – их я ни в чем не виню, они до сих пор мои лучшие друзья, лучшие люди в моей жизни. Может, они скажут, что вели себя так из-за меня, а я вел себя так из-за них. Понимаете, неприятно это признавать, но у меня внутри стоит преграда. Не хочется говорить о себе – да и вообще ни о чем. Ты учишься *никому* не доверять. И ты как бы приучаешь себя ничего не чувствовать».

Если говорить о потребности в общении и понимании, между мальчиками и девочками нет никакой врожденной разницы. С неврологической точки зрения нет разницы и в их способности к эмпатии: некоторые исследования даже показывают, что маленькие мальчики экспрессивнее девочек¹². Однако с самого детства мальчиков воспитывают в более рестриктивном эмоциональном климате. В ходе известного исследования взрослым показывали видео с малышом, который пугался игрушки-попрыгунчика, и чаще всего взрослые говорили, что малыш злится, если их перед этим предупреждали, что это мальчик¹³. Матери маленьких детей чаще говорят с дочерьми, причем используют более обширный и богатый в эмоциональном плане словарный запас¹⁴. С сыновьями они опять же акцентируют внимание на одной эмоции – гневе¹⁵. (Отцы разговаривают менее эмоционально, чем матери, независимо от пола ребенка, хотя дочерям они чаще поют и улыбаются, а также им проще распознать, когда девочки грустят¹⁶.) Несмотря на это, по мнению Джуди И. Чу, которая изучает раннюю гендерную социализацию, мальчики дошкольного возраста сохраняют удивительное понимание чувств и стремление к близким отношениям¹⁷. Но примерно в середине детского сада – то есть в возрасте пяти-шести лет – они учатся у своих сверстников, что проявлять эмоции глупо, по крайней мере на людях: нужно забыть о своих чувствах, сторониться эмоциональной близости, а в поведении следовать определенной иерархии. Физические и психические последствия подобного гендерного поведения закрепляются уже в возрасте десяти лет и делятся всю жизнь¹⁸. К четырнадцати годам мальчики убеждаются, что другие парни «перестанут их уважать», если они заговорят о своих проблемах (ранний подростковый возраст, кстати говоря, критически важен для раз-

¹² Weinberg, Tronick, Cohn, et al., “Gender Differences in Emotional Expressivity and Self-Regulation During Early Infancy.” См. также Brody, “The Socialization of Gender Differences in Emotional Expression.”

¹³ Condry and Condry, “Sex Differences.” Если респондентам говорили, что это девочка, эмоцию чаще описывали как «страх». В аналогичной ситуации с детьми дошкольного возраста по отношению к мальчикам эмоцию чаще описывали как «раздражение», а по отношению к девочкам – как «страх». Widen and Russell, “Gender and Preschoolers’ Perception of Emotion.”

¹⁴ van der Pol, Groeneveld, van Berkel, et al., “Fathers’ and Mothers’ Emotion Talk with Their Girls and Boys from Toddlerhood to Preschool Age”; Johnson, Caskey, Rand, et al., “Gender Differences in Adult-Infant Communication in the First Months of Life”; Aznar and Tenenbaum, “Spanish Parents’ Emotion Talk and Their Children’s Understanding of Emotion.”

¹⁵ Gruber and Borelli, “The Importance of Fostering Emotional Diversity in Boys.”

¹⁶ Kristina Dell, “Mothers Talk Differently to Daughters than Sons: Study,” *Time*, November 13, 2014, <https://tinyurl.com/y2fcwxs>; van der Pol, Groeneveld, van Berkel, et al., “Fathers’ and Mothers’ Emotion Talk with Their Girls and Boys from Toddlerhood to Preschool Age.”

¹⁷ Noah Berlatsky, “How Boys Teach Each Other to Be Boys,” *The Atlantic*, June 6, 2014, <https://tinyurl.com/y3rnb8mj>; Vicki Zakrzewski, “Debunking the Myths About Boys and Emotions,” *Greatergood.com*, December 1, 2014, <https://tinyurl.com/y45audg3>.

¹⁸ Blum, Mmari, and Moreau, “It Begins at 10: How Gender Expectations Shape Early Adolescence Around the World.”

вития мальчиков и мало изучен)¹⁹. Они подозревают, что девочки тоже не обратят на них внимания, и вполне возможно, что так оно и есть: согласно канадскому исследованию, девушки студенческого возраста отдают предпочтение мужчинам, которые используют в речи короткие слова и говорят меньше²⁰. А Брене Браун, которая называет уязвимость «особым соусом, связывающим отношения», отметила, что даже женщины, которые *утверждают*, что им нужны эмоционально открытые мужчины, не чувствуют себя комфортно рядом с ними и даже могут их отвергать.

Эмоциональная диверсификация – умение испытывать широкое разнообразие эмоций, позитивных и негативных²¹ – критически важна для эмоционального и физического здоровья взрослого человека. Однако в наших беседах парни часто признавались, что – из-за родителей, сверстников мужского пола, девушек, СМИ, учителей, тренеров – им отказано в возможности выразить всю палитру человеческих чувств, особенно связанных со страданием и страхом. Для Роба, первокурсника Университета Северной Каролины, как и для многих ребят, с которыми я беседовала, наше интервью стало единственной возможностью откровенно поговорить не только о сексе, но и об эмоциональной близости. Мы встретились в январе, примерно через четыре месяца после того, как он расстался со своей девушкой из старшей школы. Они встречались больше трех лет («Я правда ее любил», – сказал Роб), и, хотя университеты, в которые они поступили, находились за тысячи километров друг от друга, они решили попытаться сохранить отношения. Но потом, в конце сентября, Роб узнал от друга, что девушка ему изменяет: она встречалась со множеством парней на вечеринках и занималась сексом минимум с одним из них. «Я вычеркнул ее из своей жизни, – сказал Роб, щелкнув пальцами. – Перестал с ней разговаривать, забыл ее начисто». Только... не совсем. Хотя он не произнес это слово, на самом деле Роб впал в депрессию: воодушевление, которое он чувствовал, когда покинул дом и начал учиться в университете, вступил в братство, улетучилось. Семестр уже заканчивался, а радость к нему так и не вернулась.

Я спросила, с кем Роб говорил в столь непростой период.

«В этом-то и проблема, – ответил Роб. – Никто из моих друзей не обсуждает чувства. Если ты переживаешь из-за девушки, они скажут: *хорош уже нить*». Роб нахмурился. Он никогда не откровенничал даже со своим лучшим другом, с которым познакомился в бейсбольной команде в восьмом классе. Единственным человеком, с которым он мог не притворяться и говорить по душам, была его девушка, но теперь и этот путь закрыт – поскольку она ранила его чувства. Поэтому, сколько бы парень ни старался игнорировать грусть, она лишь нарастала.

Девушки, матери и в некоторых случаях сестры чаще всего выступали доверенными лицами для парней, с которыми я беседовала. Замечательно, что им есть с кем поделиться, – и я уверена, что матери с особым удовольствием исполняют эту роль. Однако если внушать парням, что всю эмоциональную работу должны выполнять женщины, что именно они в ответе за душевную жизнь мужчин, поскольку для самих парней это унижительно, оба пола заплатят слишком высокую цену. Помимо всего прочего, подобная зависимость препятствует развитию парней, тормозит их рост и мешает выстроить продолжительные, близкие, полные заботы отношения.

Роб все-таки записался к психологу кампуса, но побывал только на одном сеансе. «Я сидел у него в кабинете и молчал, – сказал парень. – Слишком странно вот так открыто обсуждать свои чувства».

¹⁹ Pollack, *Real Boys*. См. также Way, *Deep Secrets*.

²⁰ Molly Babel, Grant McGuire, and Joseph King, “Toward a More Nuanced View of Vocal Attractiveness,” *PLoS ONE*, February 19, 2014, <https://tinyurl.com/y5u474ng>.

²¹ Gruber and Borelli, “The Importance of Fostering Emotional Diversity in Boys.”

Я попросила уточнить слово «странно». «Я опять почувствовал себя слабаком. Мне хотелось сказать ему: “Я это переживу. Все в порядке”». – «А ты действительно в порядке?» – спросила я. «Нет, – признался он. – Не в порядке». Ко Дню благодарения Роб впал в такое уныние, что у него случился нервный срыв после ужина, когда он болтал с мамой на кухне. «Я был так напряжен, – вспоминал он. – Занятия. Эта история с моей девушкой. Слишком много навалилось». Он не смог описать, в чем заключался срыв (упомянул только, что до смерти напугал маму, которая тут же потребовала: «Расскажи мне все как есть»). С уверенностью он заявил только, что не плакал. «Никогда, – подчеркнул он. – Я *никогда* не плачу».

Я обращаю особое внимание, когда парни говорят, что плачут, или не плачут, или хотят плакать, но не могут. Для большинства это редкое, иногда считающееся позорным проявление эмоций – опасная трещина в тщательно выстроенной внутренней доктрине. Конечно, современное общество гораздо снисходительнее относится к мужчинам, у которых глаза на мокром месте, но есть правила. Журнал GQ, в частности, утверждает, что парни могут плакать, если испытывают чудовищную боль: «например, если вам на ногу упадет рояль из окна пятого этажа»; или если кто-то выстрелит в вас; если вы спортсмен и ваша команда выигрывает чемпионат (как Джеймс Леброн после финала НБА в 2016 году); или если вы смотрите слезливый фильм (то есть речь идет о «физиологической функции... как менструация для глаз») ²². Askmen.com добавляет, что плакать над проигрышем в спорте приемлемо – если, конечно, не вы ответственны за него (как сказано на веб-сайте, Тим Тибоу может рыдать после проигрыша в чемпионате SEC по американскому футболу, а вот Роджер Федерер, который завалил Открытый чемпионат Австралии по теннису в том же году, – нет) ²³. Опрос 150 игроков в американский футбол университетских команд показал, что, хотя они считали вполне нормальным «всплакнуть» после важной победы или разгромного поражения, сами по себе слезы неприемлемы ²⁴.

Второкурсник университета из Чикаго сказал мне, что не смог заплакать, когда его родители развелись. «Мне очень хотелось, – сказал он. – Мне это просто было *нужно*». Какое решение он нашел? Посмотрел три фильма о холокосте (и это сработало). Как человек, который по праву рождения имеет официальное разрешение плакать, я не сразу его поняла. И только проведя несколько интервью, я осознала: признаваясь в том, что плакали, а то и плача передо мной, мальчики рисковали, доверяя мне нечто личное и драгоценное – признак уязвимости или стремления к ней. Или же, как Роб, они демонстрировали полную неспособность признать эту потребность, и это было так мучительно, что мне хотелось... плакать.

Качки, братаны, педики и бабы

Мальчики уверенно рассуждали об излишках маскулинности – они ведь тоже видели заголовки о массовых убийствах, домашнем насилии, сексуальных домогательствах, изнасилованиях в кампусах, скандалах в связи с твитами президента и слушаниях в Верховном суде. Даже футболист из университета Большой десятки упомянул в нашей беседе термин «токсичная маскулинность». («Все знают, что это такое», – заверил он, когда я удивилась.) Гораздо больше трудностей у ребят вызывает другой вопрос: почему им *нравится* быть парнями. «Гм, – сказал Джош, второкурсник университета из штата Вашингтон. – Интересно. Никогда не задумывался». Запинаясь и сбиваясь, он выбрал спорт: «Я люблю играть в спортивные игры». Но если подумать, его младшая сестра тоже этим увлекается, так что это не гендерная особен-

²² Lauren Bans, “Bawl So Hard,” *GQ*, June 8, 2015, <https://tinyurl.com/y6alzpt4>.

²³ Michael A. Schotthey, “The Rules for Crying in Sports,” Askmen.com, <https://tinyurl.com/y4228smf>.

²⁴ Wong, Steinfeldt, LaFollette, et al., “Men’s Tears.” См. также Jared DeFife, “The Crying Game: Male Athletes Shedding Tears,” *Psychology Today*, January 14, 2012, <https://tinyurl.com/y5la566s>.

ность. Все же спорт – его физическая сторона, товарищество, соперничество, здоровый выход агрессии, само наслаждение игрой – был самым частым ответом парней и для многих отличительной чертой мальчишества. Они вспоминают свои первые игры на поле с ностальгией, почти романтикой, душевным теплом. Но потом все изменилось, и то, что приносило радость, превратилось в гнет. «Я играю в лакросс почти двенадцать лет, – поделился со мной Эрик, учащийся выпускного класса из Лос-Анджелеса. – И люблю его. Но терпеть не могу эгоцентричную культуру, где все живут по принципу *я мерзавец, но я классный*».

Меня поразило, как часто парни говорили, что бросили спорт, которым увлекались, не потому, что им не хватало умений, а потому, что они не выносили дух «Повелителя мух» среди товарищей по команде и тренеров. «Я играл в футбол до одиннадцатого класса, – сказал Ноа, второкурсник из Лос-Анджелеса. – Я всегда любил этот спорт, но атмосфера в команде, *братанство* – это уже слишком. Постоянно приходилось доказывать, какой ты крутой, какой ты мужик, как тебе плевать на все. Я чувствовал себя изгоем».

Думаю, самым экстремальным был случай Итана из Бэй-Эриа; его взяли в небольшой колледж свободных искусств в Новой Англии, чтобы он играл в лакросс. «Я знал, что там будет типичная для Восточного побережья культура пофигизма, – сказал он, – но таких масштабов точно не ожидал. Они говорили только про секс и хвастались, кто с кем переспал, и даже тренеры поощряли ребят винить во всем жертву, а не себя. И все использовали слово *педик* направо и налево. На занятиях и с другими людьми они вели себя не так; это был суперлиберальный колледж. Но стоило им попасть в раздевалку...» – он покачал головой. Как первокурсник, Итан считал, что не сможет бросить вызов старшим спортсменам, особенно без поддержки тренеров. Поэтому он ушел из команды; и не только оттуда: парень перевелся в другой колледж. «Мой колледж был совсем крохотный, – объяснил он. – Если бы я остался, я постоянно сталкивался бы с теми парнями... А теперь мне не нужно никому ничего объяснять». В новом колледже, как сказал Итан, он больше не участвует в спортивных играх.

Роберт Липсайт, спортивный журналист с большим опытом работы, считает, что именно радость, которую приносит парням физическая активность, является благотворной почвой для процветания «культуры качков»²⁵. Спорт учит отваге, сотрудничеству, ловкости и упорству, которые закладывают фундамент для успеха вне поля. К тому же это *весело*. Но, как пишет Липсайт, «культура качков» использует эти ценности как ширму для унижения, высокомерия, агрессии, жестокости и «победы любой ценой, убивающей душу»²⁶.

«Культура качков» (или, как ее называли мои собеседники, «культура братанов») – темная сторона мужских анклавов, даже не связанных со спортом: школы для мальчиков, братства, Уолл-стрит, Кремниевая долина, Голливуд, армия. Даже когда в подобных сообществах провозглашаются принципы взаимовыручки, честного и благородного поведения, там поощряют мужчин считать всех, кто «не в команде», врагами (а в эту категорию могут попасть любые женщины, не являющиеся кровными родственницами – «братаны важнее телок!») и оправдывают враждебность и антагонизм. Верность команде должна быть безусловной, а мужественность следует доказывать рассказами о сексуальных похождениях, женоненавистническими оскорблениями и гомофобией²⁷.

Коул любил свою команду и в выпускном классе стал капитаном. Ему нравилось быть частью сообщества, братства. Во время бега он представлял, что каждый шаг делает для того, кто бежит впереди него, и для того, кто следует за ним, – а не для себя. Но не каждый смог найти подобную высшую цель. «Команда требует от тебя решительности, – сказал Коул. – Ты

²⁵ Lipsyte, “Jocks vs. Pukes,” *The Nation*, July 27, 2011, <https://goo.gl/eoxXfF>.

²⁶ Lipsyte, “Jocks vs. Pukes,” *The Nation*, July 27, 2011, <https://goo.gl/eoxXfF>.

²⁷ Lipsyte, “Jocks vs. Pukes,” *The Nation*, July 27, 2011, <https://goo.gl/eoxXfF>. См. также Steinfeldt, Foltz, Mungro, et al., “Masculinity Socialization in Sports”.

выкладываешься по полной, пока не достигнешь предела возможностей и, преодолевая боль, будешь удерживать этот результат. Чтобы мотивировать себя на такое, нужны злость и агрессия. Они всегда срабатывают. Я знаю, какую музыку слушают мои товарищи по команде перед забегом. Это жуть!»

Я попросила его подробнее рассказать, о чем его товарищи по команде говорят в раздевалке. Этот вопрос всегда смущал ребят. Они скорее были готовы говорить о порнографии, эректильной дисфункции, преждевременном семяизвержении – *да о чем угодно*, лишь бы не признаваться женщине, что они на самом деле болтают после тренировки. Коул отвел взгляд, заерзал на стуле, тяжело вздохнул. «Хорошо, – согласился он наконец. – Постараюсь описать. Мы, конечно же, частенько материмся, причем как только не изгаляемся. И мы называем друг друга бабами. Мы называем друг друга сучками. Но мы никогда не произносим слово на букву “н” [имеется в виду жаргонное наименование афроамериканцев]. Потому что это уж слишком».

«А педик?» – спросила я. «Нет», – сказал он, решительно качая головой. «Почему же, – спросила я, – нельзя говорить “педик” или слово на букву “н”, а “баба” и “сучка” – можно? Разве они не такие же обидные?» – «Один из моих друзей сказал, что эти слова тоже не стоит использовать, – сказал он, – но чем их заменить? Мы не смогли придумать ничего такого же эффективного». – «Эффективного?» – «Да. Понимаете, по какой-то причине “баба” всегда действует. Когда кто-то называет меня бабой – “Не будь бабой! Давай! Вперед, твою мать! Жми! Жми! Жми!” – это бьет прямо в яблочко. Если бы кто-то сказал: “Давай, Коул, не будь слабаком! Старайся! Жми! Жми! Жми!” – это не затронуло бы меня так сильно. Не знаю, почему так получается. Не знаю, почему мне нужно услышать именно эти слова, – он задумался на минуту. – А может, и знаю, – добавил он. – Может, я просто не хочу вдумываться в это, потому что понимаю, что это нехорошо».

ХОТЯ В САМЫХ ПРОГРЕССИВНЫХ КРУГАХ слово «педик» сдает позиции, его часто использовали ребята, с которыми я беседовала, особенно в средней и старшей школе. «Это так по-гейски» уже давно заменило устаревшее слово «отсталый» и превратилось в клише, которым обозначают все глупое, скучное, раздражающее, разочаровывающее, неприятное, отстойное: ваш телефон «гейский», если нет связи; ваш карандаш «гейский», если сломался; «это так по-гейски», если билеты на фильм распроданы. «Педиками», напротив, называют только других мальчиков (не девочек, причем сами девочки тоже редко прибегают к гомофобным оскорблениям, хотя используют такие слова, как «чувак» и «братан», чтобы выразить свою привязанность). Роб, который вычеркнул из своего лексикона слово «педик», поступив в колледж, потому что «одним все равно, а вот другие обижаются», сказал, что это универсальный термин. «Например: “Ты действуешь мне на нервы, ты что, педик?” или “Ты ведешь себя как чокнутый, ты что, педик?” Или, допустим, мы посмеиваемся друг над другом, по-дружески, но один из моих друзей принимает это близко к сердцу. Тогда можно сказать: “Ты вообще кто: педик или мужик? Мы же просто прикалываемся!”»

Роб тут же добавил, что никто из его друзей не стал бы так называть *настоящего* гомосексуала. «Никогда! – сказал он испуганно. – В выпускном классе один из моих близких друзей признался, что он гей!»

Большинство современных парней совершенно спокойно относятся к геям: они поддерживают права сообщества ЛГБТ+ и однополые браки. Однако же «педик» – худшее оскорбление для них²⁸; это уже не комментарий по поводу сексуальной ориентации, а оценка мужественности. «Педик», по мнению Ч. Дж. Паско, профессора социологии из Орегонского университета, как раз и очерчивает границы «мачизма», определяет его образ. Как «шлюха»

²⁸ Pascoe, *Dude, You're a Fag*. См. также Funk and Werhun, “You're Such a Girl!”

для девочек, определение этого слова изменчиво, расплывчато, что лишь усиливает его воздействие: слово «педик» держит ребят в постоянном напряжении (хотя не всегда понятно, чем именно вызвано это напряжение) и ставит крест на любом сомнении или несогласии с «мальчишеским кодексом». Парней могут назвать педиками, как говорит Паско, по любой причине. Например, если выпадет кусок мяса из сэндвича. Одного мальчика, с которым я беседовала, прозвали педиком в средней школе за то, что он любил читать (и ему пришлось отказаться от своего увлечения). Другой мальчик переживал, что его будут называть педиком, если он не запомнит названия наркотиков или, например, как называется кальян, в котором табак смешивается с марихуаной. «Я больше боюсь показаться непросвещенным или глупым перед парнем, чем перед девочкой, – сказал он мне. – Не знаю почему». На Роба, хотя он сам этого не осознавал, тоже незаметно влияла угроза прослыть «педиком»: она мешала ему поговорить с другими парнями о том, что он расстался со своей девушкой.

Несмотря на аморфность этого понятия, Паско утверждает, что его использование провоцируется определенным поведением: когда мальчики демонстрируют эмоции, открыто проявляют привязанность к другим парням, ведут себя романтично по отношению к девочкам (это «неправильная» гетеросексуальность; теперь понятно, почему один старшеклассник сказал мне, что иметь отношения с девушкой – «это для геев») или в чем-либо некомпетентны.

Недавно Паско решила изучить выражение «без гомосятины», приобретшее популярность в 1990-х годах. Она прочитала больше тысячи твитов, в основном от молодых мужчин, с подобным хештегом. Чаще этим словосочетанием выражали позитивные эмоции, иногда совершенно безобидные, например «Я обожаю шоколадное мороженое, #безгомосятины» или «Мне понравился фильм “Послезавтра”, #безгомосятины». «Часто люди писали друзьям “Скучаю” или “Давай встретимся”, – говорит Паско. – То есть совершенно нормальные человеческие выражения радости и общения. Но обязательно надо было добавить #безгомосятины, чтобы оградить себя от оскорблений других парней и создать безопасную атмосферу для выражения своих чувств. Так что эта фраза не просто стала гомофобной шуткой, а приобрела функцию защиты, позволяя считаться “полноценными людьми”».

Если некоторые молодые люди отказались называть геев «педиками», это еще не значит, что такие мальчики (и те, кто обладает «гейскими» чертами) вдруг оказались в полной безопасности. Наоборот, геи даже лучше разбираются в правилах маскулинности, чем их товарищи-натуралы, – иначе никак. Я даже шучу, что геи, с которыми я беседовала, – это своего рода шпионы в стане гипермаскулинности.

Матео 17 лет, он посещал ту же старшую школу Бостона, что и Коул, и тоже получал стипендию. Но эти два парня различались как день и ночь. Матео – худой и смуглый (его отец родом из Сальвадора), с живыми чертами лица и склонностью экстравагантно жестиковать во время разговора. Если Коул сидел прямо и неподвижно, то Матео закидывал ногу на ногу и покачивал ступней, подперев кулаком подбородок.

Это уже вторая частная школа для Матео; старший из шести детей, он считался одаренным, и учитель восьмого класса посоветовал ему подать заявление в школу для мальчиков. Когда он приехал в кампус, оказалось, что почти все его одноклассники белые, все спортсмены, из состоятельных семей и, насколько он понял, натуралы. Матео – латиноамериканец и гей, сын уборщика – не соответствовал ни одному из этих критериев. Он сразу стал стесняться себя – как он двигается, как сидит, – а особенно своего голоса. Пробовал говорить ниже, но получилось неестественно, поэтому он вообще стал избегать общения. А еще изменил походку, чтобы не казаться «девчонкой». «Один мой друг из этой школы – тоже гей, – сказал Матео. – Он этого не скрывал. И его просто *уничтожили*».

Адам – второкурсник колледжа на другом конце страны, в Сан-Франциско, ему 20 лет. Он тоже открытый гей и утверждает, что его не оскорбляло, когда одноклассники в старшей школе говорили «это так по-гейски» или «педик». «Я не думал, что они ненавидят геев, –

сказал он. – Внушил себе, что они просто шутят. От этого, конечно, не лучше, но по крайней мере никакой угрозы не чувствовалось». Возможно. Однако, хотя молодой человек рос в так называемой американской столице геев, он не спешил открыться. И, как Матео, постоянно следил за собой – как сидит, как жестикулирует, каким голосом говорит, – чтобы никто его не раскусил. «Я тренировал перед зеркалом разные выражения лица, – вспоминает он, – особенно то, которое я называю “расслабься и наплюй на все”. Чтобы никто не сомневался, что я мужик, я крутой». Единственный раз, когда Адам дал маху, – на его первых танцах в средней школе. «Я был на танцполе, зажигал в свое удовольствие, и вдруг ко мне подошел другой парень и сказал, что я слишком сильно верчу бедрами и двигаюсь, как девчонка. Это было ужасно – когда то, что для тебя естественно, называют неправильным. Именно этого я пытался избежать любой ценой. Поэтому с того дня я наблюдал, как танцуют другие парни, и копировал их движения».

Ребята, которые называли себя натуралами, но не были спортсменами, или занимались искусством, или дружили со многими девочками, вполне могли вызвать сомнения в своей маскулинности. Однако для этого поколения кое-что изменилось – некоторым парням, особенно если они выросли в окружении людей из ЛГБТ+, все равно. «Я не переживаю, когда люди принимают меня за гея, – сказал Люк, ученик выпускного класса из Нью-Йорка. – Это досадно, но не более того, потому что я хочу, чтобы люди верили мне, когда я говорю, что я натурал». То, как он описывал себя, действительно соответствовало всем стереотипным представлениям о гомосексуалах, за исключением одного, которое стояло на первом месте: его не интересовал секс с другими парнями. «Я не высок ростом и не мускулист, – описывал себя Люк. – Я очень худой. Я люблю красиво одеваться. Я забочусь о своем внешнем виде чуть больше, чем другие парни. Я человек чувствительный. Мне нравится обсуждать эмоции. И когда люди думают, что я гей, – он пожал плечами, – я воспринимаю это как комплимент. Типа, значит, вам нравится, как я одеваюсь? Ну, спасибо!»

Один из друзей Люка, которого грубо называли «мелким пидором» в девятом классе, не был настроен на философский лад. «Для него каждый шаг – проверка на мужественность, – сказал Люк. – Я как-то пошутил, что он не умеет пить, и он ответил: “Чувак, да я продержусь дольше тебя!” А однажды я пришел в красных штанах и услышал, как он говорит кому-то: “Ну вылитый педик”. Мне все равно, и в той ситуации никто в общем-то не пострадал, но, когда вся страна разделяет подобное отношение, в президенты выбирают таких, как Дональд Трамп».

ЕСЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ и унижение женщин – две ножки стула, на котором держится токсичная маскулинность, то третья ножка – хвастовство по поводу сексуальных побед. Перед президентскими выборами 2016 года в интернет попало видео, на котором Дональд Трамп, тогда еще кандидат в президенты, в разговоре с ведущим передачи Access Hollywood хвастается, что насильно целует женщин («Мне даже ждать не приходится»), утверждая, что, когда ты «звезда, они не возражают. Тебе все можно. Даже хватать их за интимные места». Позже он отмахнулся от своих слов как от «пустой болтовни»: так треплются мужчины в раздевалке, когда они одни. Профессиональные спортсмены возмущенно отреагировали в Twitter. Кендалл Маршалл, который в то время играл в НБА, написал: «И кстати, мы НЕ обсуждаем в раздевалках сексуальные победы без обоюдного согласия». Боец смешанных единоборств Си Эм Панк добавил: «“Хватать за интимные места” – такого я не слышал ни в одной раздевалке. Так сказал бы серийный убийца Тед Банди». Тревор Ноа, ведущий The Daily Show, подчеркнул разницу между «неприличными словами и прославлением сексуальных действий без обоюдного согласия». В целом он признался, что парни, конечно же, говорят между собой о сексе, но никогда не одобряют *насилие*. Что ж, возможно, действительно не одобряют, по крайней мере напрямую, но не уверена, что слова Трампа так уж далеки от истины.

Перед началом учебного года одноклассник Матео бахвалился, что переспал с одной из его подруг, называя ее «уродливой сучкой» и «троллем» (хотя это, скорее, было причиной *не*

заниматься с ней сексом). «Да она сама просила меня, чувак, – ухмылялся он. – Я ей *такое* устроил. Еле живую оставил».

Матео пришел в бешенство, но подруге ничего не сказал. А зачем? Такие комментарии стали нормой. «Все натуралы так говорят. От них никогда не услышишь: “Чувак, она была в *восторге!*” Ни за что. Всегда только: “Братан! Я ее *отжарил!*”».

Сначала я не могла объяснить, почему парни используют такие жесткие слова по отношению к сексу. Кто станет гордиться тем, что он плохой любовник? Если бы в подобных ситуациях они действительно говорили о *сексе*, то упоминали бы удовольствие, взаимопонимание, мастерство и не стали бы превращать секс в оружие, направленное против женщин. Но весь смысл «издевок в раздевалке» как раз в том, что они *не* касаются самого секса, и, как мне кажется, именно поэтому ребята стеснялись обсуждать со мной эту тему даже больше, чем другие, не менее откровенные вопросы. На самом деле эти истории (часто явно преувеличенные) говорят о власти, о силе, когда маскулинность демонстрируется через подчинение мужчине женского тела. А для этого нужно (или, лучше сказать, *необходимо*) забыть о том, что девушки – тоже живые люди. При девушках подростки говорят «замутить» (и это уже объективация – если хотите вызвать у них шок, скажите «заниматься любовью»), но, когда парни общаются между собой, вообще сложно понять, о чем идет речь, – об интимных отношениях или о работе на стройке. Они «вбивают, долбят, натягивают, молотят, засаживают, заваливают». Они «вставляют», они «шлепают по заду», они «рвут на части», они «жарят». Правда не так важна, как позерство: символическая агрессия к женщинам как способ закрепить свое положение в мужской компании и доказать свою гетеросексуальность. Называя это «издевками в раздевалке», чем-то незначительным, ерундовым, они не замечают, как слова ожесточают сердце и лишают способности видеть в девочках людей, достойных уважения и почтения. И когда парни поступают в колледж, спортсмены в три раза чаще, чем другие студенты, совершают сексуальные правонарушения и насилие по отношению к своему интимному партнеру. Это вынуждает взглянуть на подобное бахвальство в другом свете²⁹.

Не знаю, насколько молодые люди, относящиеся к элите, с которыми Матео и Коул ходили в школу, – то есть те, кто уже твердо встал на путь к власти, – *больше* склонны объективировать женщин. За три месяца в 2016 году, к примеру, сексуальные скандалы потрясли спортивные сообщества трех лучших колледжей страны. В октябре появились новости о «традиции» членов Гарвардской футбольной команды оценивать новых девушек женской команды по их сексуальности. «Да уж... Эта точно хочет мужика», – написал один парень о своей однокурснице. Другую девушку назвали «самой горячей, *но* самой венерической». Месяц спустя на веб-сайте кампуса Колумбийского университета появились расистские, сексистские и гомофобные скриншоты из чата команды по реслингу. Они называли своих однокурсниц «уродинами и недоделанными сучками», «воображающими, что у них есть права» (видимо, плохо понимая, что это вообще значит). Они утверждали, что «наведут порядок в любом государственном вузе», где «девчонки толком не видели настоящего мужика». (Кстати, ребята из элитных частных колледжей, с которыми я беседовала, постоянно унижали студенток государственных вузов, так как вопреки всему считали, что их исключительные академические результаты и социально-экономический статус не только защищают от наказания за сексуальные домогательства и насилие, но и снимают всякую вину.) В декабре оказалось, что члены команды по бегу Университета Амхерст пересылали друг другу электронное письмо с фотографиями и вымышленными историями о сексуальных похождениях и пристрастиях восьми девушек, которых прозвали «подружками бегунов Амхерста». Одну девушку назвали «ходячей венерической заразой», а про другую писали: «Она так и напрашивается, чтобы ее отодрали». Это

²⁹ Paula Lavigne, “OTL: College Athletes Three Times More Likely to Be Named in Title IX Sexual Misconduct Complaints,” [ESPN.com](https://tinyurl.com/y5urjnbm), November 3, 2018, <https://tinyurl.com/y5urjnbm>.

электронное письмо оказалось не единственным, подобные рассылки ходили уже минимум два года, и среди них встречались комментарии вроде «У азиаток правда горизонтальная вагина?» и «Знаете девчонок в вашей школе, малопривлекательных и неинтересных, с которыми никто не общается? Представьте целый колледж таких особ, и вы получите наше чудесное заведение». Весной 2019 года два братства в Суортмор-колледже – одном из самых прогрессивных в стране кампусов – были «добровольно» распущены после того, как студенческая газета опубликовала сотни страниц их «заседаний». На этих сборищах, помимо прочего, обсуждались «чердак для изнасилований», использование снотворного «Рогипнол» и надругательство над десятилетней сестрой одного из членов братства. Там отпускали расистские комментарии по поводу сексуальных актов с афроамериканками и азиатками, говорили о рвоте на женщин во время секса и восхищались одним из участников братства, который делал «кремовый пирог» без согласия партнерш (на сленге это значит, что он не пользовался презервативом и эякулировал в женщин, независимо от их мнения)³⁰

³⁰ Shreya Chattopadhyay and Trina Paul, “2013 DU Minutes, Past Members Provide Window into Culture of Frat,” *The Phoenix*, May 2, 2019, <https://tinyurl.com/y689j7bl>; Julie Turkewitz, “Swarthmore Fraternities Disband After Uproar Over ‘Rape Attic’ Documents,” *New York Times*, May 1, 2019, A19; Bayliss Wagner, Naomi Park, Trina Paul, et al., “Cult of Misogyny: Leaked Internal Documents Reveal Silence Around Harmful Culture at Phi Psi,” *The Phoenix*, April 18, 2019, <https://tinyurl.com/y2cjzym7>. Подробнее о характеристиках сообществ, отличающихся высокорискованным поведением, см. Boswell and Spade, “Fraternities and Collegiate Rape Culture.”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.